

В. Ю. ВОЛОШИНА, В. П. КОРЗУН

ЭМИГРАНТСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ А. А. КИЗЕВЕТТЕРА В ОПТИКЕ «ПРОФЕССОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ»¹

В статье рассматривается проблема трансформации в зарубежье дореволюционной «профессорской культуры». Обратившись к эмигрантскому периоду жизни выдающегося отечественного историка А.А. Кизеветтера (1866–1933), авторы показали консервативный вариант трансформации профессорской культуры, показательный для той части эмигрантской профессуры, которая делала ставку на возвращение в Россию после свержения большевиков и соответственно на сохранение и воспроизводство дореволюционной отечественной научной традиции.

Ключевые слова: *А.А. Кизеветтер, советская историография, русское зарубежье, научное сообщество, коммуникация, «профессорская культура»*

Понятие «профессорская культура» и его когнитивный потенциал

Современное состояние исторической науки, стремящейся выработать новый образ научного мышления, стимулирует интерес к ценностным установкам, исследовательским практикам, профессиональной наших предшественников по ремеслу. Это связано с процессом переосмысления исследовательских парадигм, новыми вызовами общества, с падением престижа науки и статуса ученого в российском обществе, с ярко выраженной фрагментированностью научного сообщества и утратой ряда прежних корпоративных ценностей. Обращение к теме «профессорской культуры», как одному из направлений изучения научного сообщества, в т.ч. и эмигрантского, представляется уместным не только в разрезе социальной истории, что характеризует состояние осмысления проблем Русского зарубежья, но и в ракурсе интеллектуальной, или даже шире – культурной истории.

Большинство представителей научного сообщества зарубежья идентифицировало себя с дореволюционной отечественной наукой и высшей школой. Это нашло отражение в стремлении возродить инфраструктуру научного сообщества (образовательные и научные институции, в т.ч. научные общества, архивы, журналы, публичные лекции), в стремлении продолжить прежние исследовательские программы, воссоздать дореволюционную систему воспроизводства научных кадров в создаваемых ими вузах, но главное, сохранить основные аксиологические признаки дореволюционной «профессорской культуры».

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственного задания ВУЗам в части проведения научно-исследовательских работ на 2014-2016 гг., проект № 2467.

В предлагаемой статье на примере жизни и творчества крупнейшего российского историка, профессора Московского университета А.А. Кизеветтера авторы намерены выяснить направление трансформации этой культуры, отдавая, разумеется, себе отчет в том, что индивидуальные стратегии адаптации русской профессуры к инокультурной научной среде были различными². Вариант А.А. Кизеветтера представляется нам показательным для той части эмигрантской профессуры, которая делала ставку на возвращение в Россию после свержения большевиков и, соответственно, на сохранение и воспроизводство дореволюционной отечественной научной традиции.

Проблема отечественной «профессорской культуры» была поставлена В.К. Кантором³, который рассмотрел «профессорскую культуру» с точки зрения общественной мысли и системы нравственно-эстетических ценностей, сформировавшихся внутри профессорского сообщества в пространстве XIX века. Обретя самосознание приблизительно к 1870-м гг., этот слой в начале XX в. получил уже своего историографа и бытописателя – Андрея Белого, который и назвал это новообразование социально-общественной жизни России «профессорской культурой». В дальнейшем проблема «профессорской культуры» была затронута Д.Г. Гориним, который выделил аксиологические критерии «профессорской культуры» из культурной целостности и сформулировал определение «профессорской культуры» как корпоративной субкультуры университетской профессуры России XIX – начала XX в.⁴

Это определение нуждается в дальнейшей конкретизации. Мы исходим из того, что пространством формирования этой особой субкультуры являются университеты, наряду с другими академическими институтами, а основным актором выступает социальная группа, занимающаяся образовательными практиками и производством нового знания. Данный социум изначально не представляет собой единого целого. Это определенный «конгломерат» людей из разных сословий, которые связывают свою жизнь с наукой и просвещением. В условиях вызовов XIX в. вера в знание становится путеводной звездой для наиболее одаренной части молодого поколения Российской империи. Особый статус наука приобретает во второй половине века, а служение науке поколением последней трети XIX в. осмысливается как важнейшая ценность и долг. Неоднородный социальный состав вносил свою окраску в профессорскую культуру, но ее сущностную специфику составляла профессиональная сфера – то, что исследователи культуры определяют как «систему корпоративной идентификации»⁵. Исходя из этого, про-

² Антошенко 2014. С. 201-223; Захаров 2014(а). С. 38-53; 2014(б). С. 112-126.

³ Кантор 1978.

⁴ Горин 1996. С. 42.

⁵ Корзун, Сидорякина 2009. С. 66-67.

фессорская культура включает следующие элементы: образовательные практики, направленные на воспроизводство «себе подобных», дискурсивные практики и интеллектуальные процедуры, связанные с производством и оформлением нового знания, школообразующие практики, направленные на формирование интеллектуальной культуры и норм профессионального академизма, правила вхождения в научное сообщество, включающие и диссертационную культуру, коммуникации и каналы трансляции научного знания в социум, в т.ч. экспертные оценки в различных сферах экономической и политической жизни, и, наконец, мемориальные практики как способ самоидентификации научного сообщества. Специфика производства научного знания, исходные условия научно-педагогического труда, регламентируемые университетскими уставами, «более или менее равные возможности академической карьеры профессоров и преподавателей превращали их в фактически бессловную профессионально-корпоративную группу интеллектуалов со своей субкультурой»⁶ и соответствующим стилем жизни⁷.

Подобные подходы к профессорской культуре (в неотрефлексированном виде и с ориентацией на более короткий перечень ее составляющих) характерны для работ Н.Н. Никс и Л.А. Бушуевой⁸. Обе исследовательницы, проанализировав ценностные ориентации, социально-психологические установки, специфику повседневной жизни профессуры в Москве и Казани во второй половине XIX – начале XX в., приходят к выводу о наличии особой академической субкультуры.

Черты любой культуры определяются материальными, политическими, социальными условиями, историческими традициями. Понятно, что экстремальные условия эмиграции должны были повлиять на культуру изгнанников в целом, в т.ч. и на профессорскую культуру. В первых, изменились задачи и формы бытования институций научного сообщества. В дореволюционной России основными структурными единицами последнего были вузы и ученые советы их факультетов. Организационно не связанных с ними научно-исследовательских учреждений было немного. Именно в вузах существовала материальная база для исследовательской работы (библиотеки, лаборатории, кабинеты), создавались научные школы, сохранялась преемственность знаний, обеспечивалась подготовка кадров⁹ Организованный в марте 1905 г. Академический союз, имел ярко выраженную политическую окраску. Его платформа соответствовала программным установкам возникшей впоследствии кадетской партии. Он направлял свою деятельность на объединение усилий ученых в обеспечении академической свободы и

⁶ Иванов, Кулакова 2013. С. 134.

⁷ Корзун 2011.

⁸ Никс 2008; Бушуева 2012.

⁹ Иванов 1991.

автономии. В зарубежье же основной структурной единицей эмигрантского научного сообщества становятся региональные академические группы (РАГ), обладавшие правами советов факультетов дореволюционных вузов, но в отличие от отечественных аналогов главной задачей их, а также образованного в 1921 г. Союза русских академических организаций за границей, являлось облегчение социальной адаптации ученых в новых условиях. Они демонстративно дистанцируются от политики и сосредоточиваются на вопросах трудоустройства и материальной поддержки ученых, предоставлении им возможности продолжения. Социальная поддержка ученых становится главной целью практически всех научных институций зарубежья.

Во-вторых, в эмиграции меняется роль научной интеллигенции. Она превращается в своего рода «мозговой центр» диаспоры. Теперь, когда способом выживания эмигрантов становится сохранение национальной идентичности и исторической памяти диаспоры, пропаганда исторических знаний, культурно-воспитательная работа, направленная на формирование исторической памяти, проводимая учеными, создает единое духовное пространство и способствует формированию социокультурного феномена русского зарубежья. Все это заставляло не только воссоздавать вне России традиционные формы существования корпоративной субкультуры, но и актуализировало поиск новых практик.

До недавнего времени вопрос о трансформациях «профессорской культуры» в зарубежье практически не ставился, изучению подлежало творческое наследие отдельных ученых-эмигрантов, специфика их адаптации и возникшие институции научного сообщества¹⁰. Собрать эти историографические пазлы в единое целое – одна из сложных задач современной историографии, в какой-то мере это возможно, обращаясь к такой генерализирующей категории, как «профессорская культура». При этом акцент в данной статье делается на коммуникативных практиках и их специфике в эмиграции. Как справедливо заметила Л.П. Репина, «интеллектуальная коммуникация с помощью циркулирующих внутри нее текстов, имеющих форму переписки, книг и статей, публичных выступлений или частных разговоров, не только передает информацию, но и поддерживает некое интеллектуальное сообщество, формируя общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя сетевую структуру»¹¹. Не претендуя на

¹⁰ Антощенко 2014. С. 201-223; Волошина 2010; 2013; Емельянов 2008; Захаров 2014(б); История российского зарубежья...; Ковалев 2012; Российская интеллигенция на родине и в зарубежье...; Российская научная эмиграция... 2001; Болховитинов 2005; Российские ученые и инженеры в эмиграции...; Русские без отечества... 2000; Ульянкина 2010; Цепилова 2005(а); 2005(б); Шестаков 2009.

¹¹ Репина 2008. С. 13.

полноту освещения данной проблемы, попытаемся проследить изменения в условиях эмиграции таких практик профессорской субкультуры как коммуникации и каналы трансляции научных знаний на примере деятельности профессора Александра Александровича Кизеветтера.

Начало изучению творческого наследия этого талантливого представителя школы В.О. Ключевского положила М.Г. Вандалковская¹², ею также были обнаружены и введены в научный оборот многие документы, связанные с его деятельностью, как в России, так и в зарубежье.

Об источниках

Обозначенный ракурс исследования, требует широкого привлечения источников личного происхождения, но, к сожалению, личного фонда самого А.А. Кизеветтера в ГА РФ нет, его письма к друзьям и знакомым разбросаны по разным фондам. 22 письма историка хранятся в фонде Александра Филаретовича Изюмова (Ф. 5962). Фондооснователь, будучи заведующим отделом документации Русского заграничного исторического архива (РЗИА), вел активную деловую и личную переписку с членами Совета и Ученой комиссии РЗИА, его корреспондентами в разных странах, с друзьями и знакомыми. С Кизеветтером его связывала многолетняя дружба. Изюмов, еще студентом Московского университета, в 1905–1906 гг. слушал лекции Кизеветтера по русской истории и занимался у него в семинарах. Впоследствии их жизненные пути неоднократно пересекались. В 1918 г. они сидели в одной камере Бутырской тюрьмы, потом вместе работали в книжном магазине, открытом кооперативным издательством «Задруга» на Моховой улице. В августе 1922 г. их объявили неблагонадежными и выслали из России. Оказавшись в Берлине, их семьи поселились в одном пансионе. С 1925 г. Изюмов переезжает в Прагу и работает в РЗИА под началом своего учителя. Письма Кизеветтера к Изюмову искренни и доверительны. Он сообщает в них сведения о своих близких, делится душевными переживаниями и раздумьями. Их переписка дает представление о психологическом состоянии эмигрантов в новой среде, об их повседневной жизни и взаимоотношениях с местным населением.

Интересная информация о быте профессорской семьи, ее традициях и устоях содержится в фонде «Кудрявцевы и А.А. Кизеветтер» (Ф. 566), хранящемся в научно-исследовательском отделе рукописей РГБ (введен в научный оборот М.Г. Вандалковской). В нем отложиться документы (переписка, дневники, фотографии, программы домашних концертов и т.п.) семьи Кудрявцевых – Кизеветтер в конце XIX – первой половине XX в. О жизни людей из своего окружения до революции Кизеветтер достаточно подробно писал и в книге воспоминаний «На рубеже двух столетий» (вышла в Праге в 1929 г., переиздана в России в

¹² Вандалковская 1992. См. также: Вандалковская 1996; 1997; 1997; 2005.

1997 г.)¹³, но в ней мемуарист описывает свою жизнь только до 1914 г. Недавно опубликованные М.Г. Вандалковской фрагменты его воспоминаний, не вошедшие в книгу, а напечатанные в рижской газете «Сегодня» в 1931–1932 гг., позволяют дополнить представления о жизни дореволюционной профессуры в первые годы Советской власти¹⁴.

Значительным вкладом в расширение источниковой базы можно считать публикацию писем Кизеветтера, хранящихся в архиве университета штата Индиана¹⁵. Адресатами были Николай Иванович Астров (1868–1934), с которым его связывали дружеские отношения и совместная работа в ЦК кадетской партии; Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976), соредaktor и секретарь журнала «Современные записки», с которым тесно сотрудничал автор писем; академик Владимир Иванович Вернадский (1863–1945), геофизик, создатель учения о ноосфере.

Изучение коммуникативных практик представителей научного сообщества невозможно без привлечения массива периодической печати русского зарубежья. Известно, что в эмиграции А.А. Кизеветтер активно сотрудничал со многими изданиями, в первую очередь, с наиболее авторитетным и популярным «толстым» журналом зарубежья «Современные записки». Это издание он особенно ценил за «литературное джентельменство».¹⁶ На страницах «Современных записок» Кизеветтер публиковал в основном рецензии и обзоры исторической литературы, в т.ч. издававшейся в советской России. Данные, казалось бы, периферийные жанры, являются важными эго-источниками, в которых историк в явной форме свидетельствует о себе, о своем отношении к конкретным авторам и исторической науке в целом, и к советской историографии, в частности. Рецензии в этом плане можно рассматривать и как важный инструмент самоидентификации Кизеветтера как историка и носителя профессорской культуры, что в новых условиях, предполагало не только осмысление своей миссии и функции внутри русской диаспоры и европейского научного сообщества, но и отношение к советской исторической науке и ее представителям, а это уже шаг к складыванию нового проблемного поля историографии. Такой поворот открывает возможности исследовать восприятие становления советского образа науки историками-эмигрантами, а советскими историками – работ русских эмигрантов¹⁷. До конца 1920-х – начала 1930-х гг. взаимное рецензирование было весьма активным, что отражается даже на уровне провинциальных журналов и библиографических указателей¹⁸.

¹³ Кизеветтер 1997.

¹⁴ Кизеветтер 2013. С. 327-348.

¹⁵ Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку...

¹⁶ Кизеветтер А.А. – М.В. Вишняку. 14 июля 1925. С. 469.

¹⁷ Эта проблематика требует специального исследования. Здесь мы обращаемся к ней на примере личностной оценки Кизеветтером советской историографии.

¹⁸ Бернгард, Корзун 2013. С. 197.

Традиция дольше чем жизнь...

После высылки из России на одном из «философских пароходов» А.А. Кизеветтер оказался в Берлине, а с 1923 г. в Праге. Как известно, чешские власти, проводившие «Русскую акцию», настаивали на прекращении политической деятельности ученых-эмигрантов. Кизеветтер отходит от политики, отдавшись преподавательской и культурно-просветительской работе. Впрочем, и прежде он не испытывал «непосредственного влечения» к политике. «Я по природе вовсе не политик. Я ученый и писатель», – признавался он в мемуарах, но бывают в жизни страны «грозные моменты, когда каждый гражданин обязан, независимо от своего призвания, принять участие в общей политической “страде”, если у него имеются к тому хоть какие-нибудь способности»¹⁹ (таким временем он считал, например, 1905–1907 гг.). В Праге Кизеветтер преподавал историю в Русском Юридическом Институте, в Карловом университете и Русском народном университете (РНУ), читал многочисленные лекции и курсы в чешской провинции (Ужгород, Мукачево), а также в Эстонии, Латвии, Германии, Болгарии, Королевстве СХС. Кроме того ученый вел активную общественную работу, будучи председателем Совета РЗИА, одним из учредителей (1925) и председателем (1930) Русского исторического общества в Праге, членом Педагогического бюро, участником IV (1928) и V (1930) съездов русских академических организаций за границей. На протяжении ряда лет он входил в состав редакционно-издательского совета Комитета по подготовке Дней русской культуры, был почетным членом Союза русских писателей и журналистов в Чешской Республике.

Как многие представители «первой волны» эмиграции Кизеветтер считал изгнание временным и не стремился к ассимиляции и инкультурации. Свою историческую миссию ученые видели в сохранении и преемственности российской культуры, в т.ч. профессорской. Без такой преемственности, считали они, невозможно будет возродить Россию и вернуться на Родину после падения большевистского режима. В учебных, научных и исследовательских заведениях, создаваемых в зарубежье, они стремились повторить дореволюционный опыт, воссоздавая прежние корпоративные нормы и правила: они пытались возродить институт профессорских стипендиатов, сохраняли высокие требования к защите магистерских и докторских диссертаций, к присуждению ученых степеней, боролись за сохранение хотя бы подобия университетской автономии, в которой видели неотъемлемую часть жизни любого университета. В русских вузах зарубежья сохранялись выборность и конкурсное замещение должностей, коллегиальность управления. Любое вмешательство властей в деятельность научного сообщества рассматривалось учеными как недопустимое посягательство на их права.

¹⁹ Кизеветтер 1929. С. 466.

Так, при образовании РЗИА в Праге между его учредителями (Объединение земских и городских деятелей – Земгор и Союз русских академических организаций за границей) возник принципиальный спор. Ученые настаивали на самостоятельности этого научного учреждения и недопустимости вмешательства в его внутренние дела представителей Земгора²⁰. Непримиримую позицию Правления Союза поддержал и III съезд Русских академических организаций за границей (1924), но впоследствии для сохранения РЗИА пришлось пойти на компромисс и согласиться с тем, что он стал автономным учреждением Земгора. Причину такого решения объяснил Кизеветтер в письме к Изюмову в декабре 1924 г.: «Правление Союза академических организаций вопреки энергичным протестам со стороны моей и Струве решило отклонить предложение Земгора на счет участия представителей академического союза в надежде на то, что Министерство [народного образования Чехословакии] обратится к профессорам по этому делу помимо Земгора. Решили также отправить депутацию в Министерство с уведомлением о таком своем постановлении. Там им, разумеется, в самой вежливой форме сказали, что руководство делом об устройстве архива принадлежит всецело Министерству и больше никому. <...> Одно несомненно: архив существовать будет, и форма его существования окончательно будет решена не Земгором и не профессорами, а Министерством»²¹. Чешские власти, осуществлявшие «Русскую акцию», дали понять профессорам-эмигрантам – «кто платит, тот и заказывает музыку». В целом, изучение документов о деятельности вузов русского зарубежья в Праге, Париже и Харбине, свидетельствует, что профессуре не всегда удавалось сохранить внутреннюю автономию, а их Советы и администрация находились под контролем местных властей.

В это же время в советской России усиливается контроль над научным сообществом. Еще 9 октября 1918 г. декретом СНК РСФСР были отменены ученые степени и звания, что фактически уничтожало систему научной аттестации. В 1920–1921 гг. было принято несколько десятков постановлений СНК по вопросам науки и высшей школы. Проводилась политическая дифференциация ученых, менялась структура учебных планов за счет увеличения в них доли общественных наук, от преподавания отстранялась «реакционная профессура», вводился классовый принцип набора абитуриентов и т.п. Для ослабления влияния «старой» профессуры на студентов ломалась прежняя система обучения посредством лекций, семинаров, экзаменов и зачетов. Вместо нее вводился т.н. «бригадный метод», при котором основное внимание уделялось самостоятельной работе студенческих групп по определенным заданиям. 2 сентября 1921 г. декретом Совнаркома РСФСР было

²⁰ ГАРФ. Ф. 5965, Оп. 1, Д. 628, Л. 2.

²¹ ГАРФ. Ф. 5962, Оп. 1, Д. 9, Л. 18.

утверждено «Положение о высших учебных заведениях», ставшее первым университетским уставом. «Положение» фактически упразднило университетскую автономию, поскольку все изменения в организации и личном составе вузов впредь мог производить только Наркомпрос. В этом документе все работавшие в вузах признавались научными работниками и были разделены на три группы: профессора, избираемые Государственным ученым советом Наркомпроса (ГУС), преподаватели и научные сотрудники. Исполнительная власть концентрировалась в руках правления. Ради разрушения «иммунитета профессорской корпорации» в состав ГУСов наряду с членами правления, представителями профессуры, преподавателями и научными сотрудниками, вводились представители от партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, от губисполкома и наркоматов. На ГУСы возлагались функции по аттестации научно-педагогических работников высшей квалификации, которая теперь зависела от политической позиции преподавателей, а не от имевшихся у них в прошлом ученых степеней, званий и опыта. В 1921–1922 гг. наметилась тенденция закрытия университетов. Из 177 в стране осталось 30 вузов. Были закрыты не только многие из открывшихся недавно университетов (Астраханский, Костромской, Орловский, Северо-Двинский, Симбирский и Тамбовский), но и такие прославленные учебные заведения, как 2-й Московский университет и высшие Бестужевские курсы²². Проведение «радикальной» вузовской реформы, а также нищенские условия существования и низкая заработная плата не раз вызывали протест со стороны профессуры и беспартийного студенчества. В 1921–1922 гг. в вузах Москвы, Петрограда, Казани и других городов прошли их забастовки. Профессора Московского университета (В.С. Гулевич, В.А. Костицын, А.П. Павлов, О.Д. Плетнев, М.В. Сергиевский, В.В. Стратонов) направили письмо членам Политбюро ЦК РКП(б), в котором призывали остановить уничтожение науки и высшей школы. Власти отреагировали новой волной репрессий: высылкой за границу на «философских пароходах» около 200 ученых. За участие в протестном движении из вузов были исключены и высланы из столицы около 850 студентов и 50 рабфаковцев.²³ Оценивая происходящее, А.А. Кизеветтер в письме к Н.И. Астрову от 15 октября 1922 г. писал: в России «высшая школа и другие проявления духовной культуры опустошаются сейчас без всякой пощады. По этой части водворяется самый унылый пустырь»²⁴.

Одной из основных ценностей в профессорской корпорации была суверенная человеческая личность. В значительной мере это было связано со спецификой интеллектуального труда, предполагающего лич-

²² Наука и кризисы. С. 462; Козлова 2001. С. 150; Выскуб 2005; Гришина 2014.

²³ Наука и кризисы. С. 464.

²⁴ Кизеветтер А.А. – Н.И. Астрову. 15 октября 1922. С. 465.

ную свободу и проявление индивидуальности. Эту связь тонко подметил В.И. Вернадский: «Научная работа развивает чувство личности и личного достоинства. Она вырабатывает свободного человека, стоящего в среднем гораздо выше того уровня, который может от души подчиняться министерству»²⁵. Отстаивание собственного мнения, не всегда совпадающего с мнением окружающих, уважение взглядов оппонента были не только правилами поведения, но и важнейшими этическими нормами большинства представителей научного сообщества. Вместе с тем, не стоит идеализировать взаимоотношения в научном мире зарубежья в условиях, когда шла борьба за выживание. Об этом из Праги писал А.Ф. Изюмов М.М. Карповичу в 1929 г.: «На отношение со стороны чехов пожаловаться не могу: они ценят мою работу. С русскими же всяко бывает. Трудно Вам <...> объяснить здешнюю атмосферу пауков в банке. Лучшие отношения сохраняю с А.А. Кизеветтером, хотя во взглядах на настоящее часто и расходимся»²⁶.

До революции многие ученые придерживались либеральных взглядов. При их непосредственном участии возникла партия кадетов. По данным Н.Г. Думовой, примерно треть состава ЦК этой партии была представлена профессорами и юристами²⁷. Убежденный либерал и западник А.А. Кизеветтер стоял у истоков «профессорской» партии, являясь одним из руководителей Московского губернского комитета и членом городского комитета кадетской партии. В 1906 г. он был избран членом ее ЦК и вошел в состав Государственной думы второго созыва²⁸. Революционные события и последовавшая за ними гражданская война, безусловно, повлияли на политические воззрения многих ученых-эмигрантов, но большинство из них остались верны либеральным ценностям. Несмотря на их стремление дистанцироваться от политики, избежать споров на эту тему им все же не удалось. В поисках средств к существованию приходилось печатать свои статьи в разных изданиях, однако недопустимым считалось сотрудничество с теми, которые придерживались противоположной политической ориентации.

Весной 1925 года, когда редакцию ежедневной газеты «Возрождение», стоявшую на консервативных позициях, возглавил П.Б. Струве, Кизеветтер стал активно печататься в ней. Свое решение он объяснял Изюмову следующим образом: «Мое вступление в «Возрожд[ение]» не заключает в себе никакого отступления от моих всегдашних взглядов. Как Вам известно, кадеты всегда допускали и монархию, и республику, лишь бы только и та и другая опирались на правовой (подчеркнуто автором – В.В., В.К.) конституционный строй. Имя Струве служит мне

²⁵ Вернадский 1995. С. 189.

²⁶ ГА РФ Ф. 5962. Оп. 1. д. 12. Л. 94.

²⁷ Думова 1990. С. 6.

²⁸ Вандалковская 1992. С. 86-91.

порукой в том, что дело отнюдь не идет о реставрации самодержавного произвола. А если так, то для меня одинаково приемлема та форма правления, к[ото]рая сможет лучше содействовать восстановлению России. <...> Все мои личные симпатии на стороне республики. Но я не разделяю идиллических грез о том, что стоит только пасть большевикам, и все пойдет как по маслу»²⁹. Он считал, что вдали от Родины политические разногласия только вредят изгнанникам и призывал «не забывать: мы на походе бивуаке, а не в нормально действующем парламенте, в котором нужно резкое размежевание партий. А эмигранты все воображают, что им нужно вести себя так, как будто бы мы все сидим в Таврическом дворце, в Государственной Думе»³⁰.

Надежды не оправдались. «Возрождение» все более приобретало правоконсервативную направленность, и летом 1925 г. Кизеветтер отказался сотрудничать с его редакцией. Объясняя П.Б. Струве, причину отказа, он писал, что, несмотря на сочувствие некоторым исходным принципам издания, прежде всего непримиримому антибольшевизму, он не может примкнуть к политической платформе «Возрождения». «Если я отнюдь не разделяю неумной мысли о том, что “с монархистами нельзя иметь ничего общего”, если я, вопреки Милукову, допускаю возможность возвращения в России монархии, то в такой же мере я не могу согласиться с тем, что только в восстановлении монархии для России заключается единственно возможный путь к возрождению. Между тем, это – пункт настолько основоположный для позиции “Возрождения”, настолько обуславливающий подход газеты ко всем решительно вопросам, что при несогласии с ним, невозможно работать в “Возрождении”»³¹. В другом письме он обращал внимание Струве на то, что для освобождения России от большевизма «не полезно углублять и закреплять сейчас резкие водораздельные линии между политическими группировками. Вопросы о форме правления всего лучше было бы сейчас снять с очереди». Он признавался, что «какое-то, я бы сказал, безотчетное чувство побуждает меня воздерживаться от участия в этой борьбе. Мне кажется, что такое воздержание может быть бесполезным для будущего»³². Отказ от сотрудничества не был демонстративным. Уважая взгляды своего оппонента, Кизеветтер писал в следующем письме: «Конечно, только будущее покажет, кто из всех нас сейчас более прав. Но повторяю, я не могу не следовать моему внутреннему чувству, которое для меня всегда важнее логических выкладок при определении линии моего поведения»³³. При этом он выражал надежду, что его уход не

²⁹ ГАРФ. Ф. 5962, Оп. 1, Д. 9, Л. 26.

³⁰ ГАРФ. Ф. 5962, Оп. 1, Д. 9, Л. 27.

³¹ ГАРФ. Ф. 5912, Оп. 1, Д. 65, Л. 4.

³² ГАРФ. Ф. 5912, Оп. 1, Д. 65, Л. 7.

³³ ГАРФ. Ф. 5912, Оп. 1, Д. 65, Л. 8.

отразится на дружеских личных взаимоотношениях со Струве: «Мне было бы очень больно, если бы прекращение моего сотрудничества заронило в Вас неприятное чувство по отношению ко мне, ибо я люблю Вас той истинной сердечной любовью, которая выдерживает искус расхождения в точках зрения. Верю, что Вы не усомнитесь в моей искренности и не лишите меня Вашей дружбы»³⁴.

Данный эпизод свидетельствует, что в эмиграции Кизеветтер несколько меняет свое отношение к монархии. В марте 1917 года в статье «Партия народной свободы и республика» он, разъясняя позицию кадетов, подчеркивал, что до 1917 г. русские либералы ратовали за парламентскую и конституционную монархию, рассматривая ее как переход к созданию правового государства. После отречения Николая II русские либералы стали выступать за парламентскую республику, поскольку борьба за монархию в изменившихся условиях, по их мнению, могла привести к восстановлению деспотизма. Как справедливо заметила М.Г. Вандалковская, А.А. Кизеветтер, игравший видную роль в кадетской партии, формы политического правления ставил в зависимость от условий политической жизни³⁵. Пережив и осмыслив ужасы революции и гражданской войны, оказавшись вдали от родины, ученый согласился с возможностью реставрации монархии, если она будет способствовать возрождению и объединению России. Конечно, ему нелегко было сделать этот шаг назад. Симпатии его оставались на стороне парламентского строя. «Я упрям и продолжаю думать, – писал он в ноябре 1930 года, – что пафос свободы еще возьмет свое и придется еще перед ним посторониться разным запоздалым Аракчеевым и итальянским пародиям на Юлия Цезаря».³⁶ Но выбор формы правления Кизеветтер, как и прежде, ставил в зависимость от политической ситуации и говорил о беспочвенности и преждевременности дискуссий эмигрантов по поводу будущего устройства России. В одном из писем к М.В. Вишняку в 1925 г. он писал: «Россия еще мучается на одре страшного недуга, я стоны ее слышу, я конвульсии ее вижу, мне надо знать, как прекратить эти стоны и конвульсии, и пока они не прекратились, меня не захватывают толки о том, как она станет жить да поживать, когда поправится»³⁷. «Россию, – писал он тому же адресату в другом письме, – спасать надо сейчас; делать практические политические шаги всегда приходится, опираясь, увы, на готовый наличный человеческий материал, как бы он ни был малоудовлетворителен. <...> Когда же действительно встанет необходимость немедленных практических действий, тогда, по-моему, мы все должны будем найти в себе мужество решить-

³⁴ ГАРФ. Ф. 5912, Оп. 1, Д. 65, Л. 4.

³⁵ Вандалковская 1992. С. 98.

³⁶ А.А. Кизеветтер – М.В. Вишняку. 7 ноября 1930. С. 521.

³⁷ А.А. Кизеветтер – М.В. Вишняку. 14 июля 1925. С. 472-473.

ся на известное время стать друг с другом рядом без всякого отношения к нашим партийным ярлыкам <...> чтобы, поступаясь в виду необходимости известным кругом своих максимальных устремлений, выработать некоторую общую ближайшую платформу»³⁸. В условиях изгнания он считал бессмысленными и преждевременными бескомпромиссные споры о политическом строе будущей России, ибо судьба последнего будет решаться не внешними, а внутренними антибольшевистскими силами. Можно сказать, что, несмотря на «поправление» политических взглядов, ученому все же удалось сохранить основные аксиологические принципы своей корпоративной культуры, важнейшими из которых были либеральные воззрения.

Трансляция канонов исследования и норм поведения внутри корпорации часто осуществлялась в виде различных схолярных практик, хотя не исключалась и индивидуальная работа. А.В. Свешников отмечает, что именно «принципиальный механизм подготовки молодых научных и преподавательских кадров провоцировал генезис таких неформальных структур научного сообщества как научные школы»³⁹. Профессора, как правило, чувствовали ответственность за судьбы своих воспитанников. Это в значительной мере объясняет огромное внимание научного сообщества зарубежья работе по созданию условий для завершения образования студентов-эмигрантов. А.А. Кизеветтер также никогда не порывал связей со своими учениками, но особенно близкие отношения у него сложились с А.Ф. Изюмовым. Переехав в Прагу, он хлопочет о том, чтобы Изюмову назначили стипендию, как «лицу, оставленному для приготовления к профессорскому званию» и приняли на работу в РЗИА. Чтобы ускорить решение этого вопроса, он вместе с В.А. Мякотиным ходил на прием к министру народного образования Чехословакии, после чего вопрос был решен положительно. После переезда Изюмова в Прагу отношения между ними становятся еще более дружественными, а переписка приобретает доверительный характер. Видимо, нелегкие условия эмигрантского существования способствовали сближению изгнанников, нуждающихся в поддержке соотечественников. Наряду с деловыми письмами Кизеветтер, как правило, присылает Изюмову и его жене поздравления с праздниками. Его послания полны остроумия, оптимизма и иронии. Так, поздравляя Изюмовых с Новым 1932 годом, он писал: «Хотя мы все и сильно опасаемся того, что наступивший год не будет стоить того, чтобы поздравлять с ним, тем не менее, следуя душевной потребности, шлем вам и Александре Степановне сердечные пожелания всего доброго в наступающем году. Уверенность в счастливых перспективах часто приносит разочарование. Авось мы ошибемся и в наших опасениях! Вдруг, да и окажет-

³⁸ А.А. Кизеветтер – М.В. Вишняку. 31 июля 1926. С. 479-480.

³⁹ Свешников 2010. С. 169.

ся, что «не так страшен чорт» [здесь и далее орфография автора]. Пожелаем этого от души друг другу. Будьте здоровы. Ваш Кизеветтер»⁴⁰.

Важное место в профессорской культуре занимали просветительские ценности. Русский ученый всегда выступал в нескольких ипостасях: исследователя, педагога и просветителя, хотя в разные периоды соотношение этих функций изменялось. Общение с аудиторией, донесение до слушателей результатов своих исследований было неотъемлемой частью труда ученого. Большое внимание этой деятельности уделялось и в эмиграции. Кизеветтер был одним из самых активных пропагандистов русской культуры. Он вел огромную лекционную работу в Праге и других городах Чехословакии, Югославии, Германии, Эстонии, Латвии, Болгарии, являясь профессором Русского Народного университета. Везде его лекции пользовались большим успехом. Без его участия не обходилось ни одно празднование Дней русской культуры. По свидетельству Изюмова, пражский период жизни Кизеветтера был «безрассудным расходом своих сил, уже надломленных роковым недугом. А.А. выступал с докладами и лекциями чуть ли не каждый день. Уже за несколько дней до смерти он должен был читать три доклада в один день»⁴¹. Но такая активность была обусловлена не только потребностью популяризации знания. К усиленной работе побуждала, в первую очередь, материальная необеспеченность. Цитируя в письме к дочерям из Софии (апрель 1927 г.) местную газету, сообщавшую, что популярности его лекций могли бы позавидовать Анна Павлова и Шаляпин, Кизеветтер с горькой иронией добавлял: но «они не могут позавидовать моему гонорару»⁴². В конце жизни он сильно нуждался. Сначала болезнь и смерть жены, потом падчерицы требовали больших расходов. В ноябре 1932 года, за два месяца до смерти, он писал М.В. Вишняку: «Вы спрашиваете, как я живу. Все прыскаюсь два раза в день инсулином, и Бог весть, когда это кончится. Из-за этого не могу ездить на публичные лекции и отказываюсь от разных приглашений, то есть лишаюсь заработка. Читаю русскую историю в Карловом университете и получаю за это жалкие гроши. А затем, зажмурив глаза, ожидаю, что принесет январь, когда вступят в силу новые правила о наших стипендиях, сулящие нам житие на пище святого Антония»⁴³.

Изюмов не раз спрашивал своего старшего коллегу, почему он никогда не отдыхает и почему так не бережет себя. Но тот неизменно отвечал: «Когда я занят работой, я не могу думать о другом»⁴⁴. Понятно, что в таких условиях времени на серьезную научную работу не

⁴⁰ ГАРФ, Ф., 5962, Оп. 1, Д. 9, Л. 44.

⁴¹ Изюмов А.Ф. 1937. С. 213.

⁴² Цит по: Вандалковская 1992. С. 103.

⁴³ А.А. Кизеветтер – М.В. Вишняку. 2 ноября 1932. С. 526.

⁴⁴ Изюмов 1937. С. 213.

оставалось, и создать что-либо крупное в эмиграции ему не удалось. Впрочем, подобная ситуация была у большинства ученых-эмигрантов.

Поскольку одной из основных функций профессора университета являлось производство новых знаний и рефлексия по поводу развития своей науки, то, соответственно, дискурсивные практики и интеллектуальные процедуры, связанные с производством нового знания, являлись базовыми для характеристики профессорской культуры. Естественно, что новая социальная и культурная среда оказывала травмирующее воздействие на ученого – носителя великой классической традиции, которым, безусловно, был А.А. Кизеветтер. Много для него и не только для него было профессионально неприемлемо. Посмотрим с этой стороны на историографическое творчество нашего героя.

Отступление, под воздействием новой социальности, от сложившихся, классически-академических ориентиров научного сообщества воспринимается представителями традиционной гуманитаристики как проявление депрофессионализации и, зачастую, аморальности. И если сохранение культурной традиции ими воспринимается как единственная ценностно оправданная задача, то уместен вопрос – насколько это возможно в изменившейся социальной реальности? Возможен ли диалог традиций, культурно-профессиональная, ценностная медиация? Забегая несколько вперед, мы можем констатировать реальность и плодотворность такого синтеза в советской исторической науке несмотря на репрессивно-ограничительную составляющую ее социального бытования. Как отмечают исследователи, результатом соединения традиционной культуры исторического исследования и присущего советской исторической науке стремления к постижению абсолютной истины, было получение относительных, ограниченных рамками советского историографического дискурса, но все же весьма научных результатов⁴⁵. Хотя заметим, что совмещение традиций характерно для более позднего периода советской историографии. Нас собственно и интересует, сколь рано могли проявиться такие синтезирующие процессы, могли ли они проявиться на уровне индивидуального сознания у такого историка, как А.А. Кизеветтер, видящего свой долг и предназначение в условиях эмиграции в продлении старой культурной традиции.

***Советская историография под пером А.А. Кизеветтера
непонимание «чужого»***

Как и большинство ученых-эмигрантов, занимающихся проблемами российской истории, Кизеветтер, был лишен возможности работать в отечественных архивах и книгохранилищах. Это неизбежно вело к сужению источниковой базы его исследований. Приоритетной становится т.н. периферия научного дискурса (рецензии, обзоры). Вместе с тем его научный диапазон был очень широк: ученого интересовали

⁴⁵ Метель, Крих 2014. С. 201.

такие масштабные проблемы русской истории как национальное самознание, взаимоотношения государства и общества, положение различных социальных слоев, истоки революции и др.

В эмиграции А.А. Кизеветтер много писал, но крупных работ не создал⁴⁶. Он печатался во многих эмигрантских изданиях («Последние новости», «Сегодня», «Руль», «Крестьянская Россия», «Воля России»), но большая часть его статей и рецензий была опубликована на страницах исторических альманахов «На чужой стороне» и «Голос минувшего на чужой стороне», а также в журнале «Современные записки». Поскольку Ю.Н. Емельяновым уже был сделан основательный анализ рецензий Кизеветтера, напечатанных на страницах названных альманахов⁴⁷, мы более подробно остановимся на рецензиях, опубликованных в «Современных записках». С 1922 г. Кизеветтер становится постоянным сотрудником этого журнала. Его статьи и рецензии публиковались практически в каждом номере в течение последующих десяти лет.

Известно, что характерной чертой эмигрантской периодической печати в целом и публицистики в частности, является ее духовная связь с дореволюционной Россией. Ностальгические настроения большинства эмигрантов и желание понять, почему в их стране произошла революционная катастрофа, порождали небывалый интерес к историческому прошлому родины. Понимая это, редакция «Современных записок» решает продолжить традицию дореволюционных «толстых» журналов и, наряду с литературно-художественными, начинает публиковать исторические материалы. Об этом, в частности, писал в феврале 1925 года один из основателей и редакторов этого журнала И.И. Фондаминский (Бунаков) двум своим коллегам М.В. Вишняку и В.В. Рудневу: «Мы повертываем журнал на Россию, – Но в России идет теперь большая архивная работа – печатается масса материала по истории революции и революцион[ного] движения. Непосредственно знакомиться с этим нет сил, средств и времени. Но не учитывать этого материала преступление»⁴⁸. Раздел критики и библиографии появляется в журнале с 3-го номера (1921), но до прихода А.А. Кизеветтера в нем помещались обзоры только на литературные и общественно-политические темы. Именно Кизеветтер был автором первой рецензии на исторические сочинения, напечатанной в «Современных записках». В 13-м номере журнала за 1922 г., правда, в разделе «Культура и жизнь», была помещена рецензия Кизеветтера на первый том опубликованных в Берлине писем царицы Александры Федоровны. В него вошли 199 писем, написанных ею с июля 1914-го по январь 1916 года. По оценке Кизеветтера, они «представляют собой исторический материал первостепенной важ-

⁴⁶ Цепилова 2005(6). С. 99-100.

⁴⁷ Емельянов 2008.

⁴⁸ Современные записки. 1920–1940... С. 204.

ности» и «бросают яркий свет на ту роль, которую сыграла Александра Федоровна в бессознательной подготовке крушения монархии в России». Анализируя письма, ученый прослеживает складывание «дружного трио» (императрица, Анна Вырубова и Распутин) и рост его влияния на Николая II в вопросах государственного управления. По мнению историка, эти документы опровергают легенды о физической близости Распутина и императрицы и о её принадлежности к «военной измене». Они свидетельствуют о том, что основой возвышения Распутина служили «религиозный фетишизм» и «вера Александры в спасительность распутинских чар для здоровья наследника»⁴⁹. Кизеветтер приходит к выводу о значительной роли Распутина в осуществлении внутренней политики в последние годы царствования. Александра Федоровна же «служила послушным рупором для внушений Григория и вкладывала всю присущую ей страстность в соответствующие атаки на Николая, всегда приводившую к желанному ей и её другу результату»⁵⁰.

Всего в «Современных записках» напечатано 60 работ А.А. Кизеветтера, значительная часть из них посвящена состоянию советской исторической науки. М. Вишняк вспоминал: «По истечении 3-4 недель по выходе очередной книги с методической правильностью получалось пространное, иногда на 16 страничках письмо, в котором Александр Александрович своим характерным размашистым почерком в «частном», доверительном порядке, не для оглашения, делился впечатлениями по поводу напечатанного материала. Неизменно благожелательная по своему устремлению и мотивам, критика эта бывала часто очень суровой по отношению к отдельным авторам или произведениям»⁵¹.

Изучение историографического наследия Кизеветтера, опубликованного на страницах периодической печати зарубежья, позволяет говорить, что он чутко реагировал на публикацию в СССР монографий коллег (12 рецензий)⁵², сборников статей на исторические темы (6)⁵³ и публикацию архивных документов (12)⁵⁴. Таким образом, из 60 работ, опубликованных в «Современных записках», ровно половина была посвящена работам, вышедшим в советской России. Еще одно значимое обстоятельство – очень короткий временной лаг между рецензией и

⁴⁹ Кизеветтер 1922. С. 322, 327.

⁵⁰ Там же С. 334.

⁵¹ Вишняк 1933. С. 400.

⁵² Кизеветтер 1924. №18. С. 444-447; №19. С. 433-440; №21. С. 411-414; 1925. №23. С. 488-491; 1926. №27. С. 583-586; №28. С. 499-503; №29. С. 495-497; 1928. №35. С. 547-550; №36. С. 550-551; 1929. №40. С. 548-551; 1930. №43. С. 514-517; №44. С. 530-531.

⁵³ Кизеветтер 1923. №16. С. 425-430; №17. С. 496-499; 1924. №21. С. 414-417; №22. С. 466-469; 1927. №31. С. 456-459; 1928. №34. С. 504-511; С. 530-535.

⁵⁴ Кизеветтер 1924. №21. С. 443-445; 1925. №24. С. 445-447; №26. С. 488-494; С. 494-496; 1926. №29. С. 500-503; С. 497-500; 1927. №30. С. 571-576; №33. С. 543-546; 1929. №38. С. 534-536; 1930. №41. С. 550-552; 1932. №49. С. 471; №50. С. 474-476.

объектом рецензирования. Он составляет, как правило, менее одного года, иногда год. Поражает не только оперативность рецензирования, связанная с нескрываемым интересом Кизеветтера к историографии советского периода, но и интенсивный научный книгообмен русской диаспоры как внутри ее, так и с научным миром советской России.

Каждая из рецензий Кизеветтера несмотря на небольшой формат, по сути, являлась самостоятельным научным исследованием. Часть рецензий посвящена обзору исторических изданий академического плана, редакторы и большинство участников которых были представителями дореволюционного научного сообщества. К ним относится издаваемый петроградскими историками исторический сборник «Русское прошлое», издаваемый Российской Академией Наук журнал всеобщей истории «Анналы», сборник памяти А.Н. Савина, выпущенный Институтом истории. К оценке рецензируемых сборников Кизеветтер стремится подходить с позиций строгой научности, в этом плане для него не существует авторитетов и запретов. Нарекания вызывает у него сборник «Русское прошлое», на страницах которого встречаются статьи, написанные наспех (принадлежащий перу С.Ф. Платонова «короткий обзор исторической литературы о личности Ивана Грозного-чрезвычайно беглый, неполный и даже недостаточно точный...»). Очевидно, предполагает Кизеветтер, «почтенный историк написал свой очерк ...просто для того, чтобы дать “на зубок” новому журналу что-нибудь, подписанное своим авторитетным именем»⁵⁵. Наибольший оценочный негативизм наблюдается у Кизеветтера в отношении публикаций конъюктурно политизированных, к статье Б. Титлинова о стригольниках и ереси жидовствующих или С.В. Вознесенского «Дворянская реакция после смерти Петра Великого», где «к рассказу о всем давно известных событиях автор прицепляет предисловие, долженствующее разъяснить смысл этих событий с точки зрения классово-борьбы... цитаты из Рожкова и Покровского сыплются из-под пера нашего неопита беспрерывно... каемся, мы не могли без улыбки читать этих страниц»⁵⁶. В то же время основной массив рецензируемых работ оценивается положительно, как содержащий «не мало весьма интересного научно-исторического материала». Особенно отрадно для Кизеветтера констатировать преемственность научных поколений и традиций: «ученая молодежь энергично ведет серьезную научно-исследовательскую работу, следуя научным традициям, издавна утвердившимся на исторических кафедрах Московского университета»⁵⁷. Он откликался и на проходящие в

⁵⁵ Кизеветтер 1923. №16. С. 425.

⁵⁶ Там же. С. 427.

⁵⁷ Кизеветтер 1928. №34. С. 535. В рецензиях Кизеветтера присутствуют имена представителей новой генерации историков, которые впоследствии по разным причинам не сохранились в истории советской исторической науки. О поколенческом составе историков в первые послереволюционные годы см.: Сидорова. 2008.

России научные дискуссии, о чем свидетельствуют его статьи «Научно-историческая литература в современной России» (1923) и «Общие построения русской истории в современной литературе» (1928), «Новейшие исследования по социальной истории Московского государства» (1931). «Русская историография в оценке советских историков» (1931).

В первом по времени историографическом обзоре с анализом состояния послереволюционной историографии «Научно-историческая литература в современной России» Кизеветтер обращается к творчеству ученых, продолжающих в новых условиях «чисто академическую научную традицию». Он практически исключает из рассмотрения то, что так или иначе связано со злобой дня, с революционными событиями⁵⁸. Анализируемую литературу он делит на два больших вида. К первому относит «произведения, носящие характер специальных монографий, обширных по объему, специальных по содержанию», называя известный ему неполный список такого рода работ. Речь идет, подчеркивает он, «только о московских ученых-историках, работа которых протекала на моих глазах»⁵⁹. Кизеветтер включает в этот список научно значимых работ исследование М.К. Любавского по истории русской колонизации Малороссии, работы Ю.В. Готье о провинциальной администрации в России XVIII в., очерки С.В. Бахрушина по социально-экономической истории Сибири XVII в., диссертацию В.Н. Бочкарева о функционировании губернской реформы 1775 г. Эти работы, основанные на богатом архивном материале («безбрежное море бумажных кип»), продолжающие традиции добротного позитивистского исследования, рассматриваются Кизеветтером как образцы подлинной научности – «обширные фундаментальные труды», первостепенные историографические факты. Сложность оценки заключается в том, что, как указывает Кизеветтер, ввиду отсутствия средств на издание этих монографий («прекрасных и ценных в научном отношении») нечего и думать. Научное знание пульсирует на уровне устных докладов и рефератов в сохранившихся научных обществах. При этом он ссылается на свой личный опыт участия в такого рода коммуникациях до своей высылки из России в 1922 г. Такого рода работу «в авторский портфель» Кизеветтер рассматривает как свидетельство «истинно-героического самоотвержения» российских ученых, «проявление беззаветного идеализма в среде нашей многострадальной ученой интеллигенции»⁶⁰.

⁵⁸ За исключением работ «Общие построения русской истории в современной литературе» и «Из размышлений о революции» (1930), в которых он анализирует публикации о революции Г.П. Федотова, Ф.А. Степуна, В.В. Бунакова, Б.Э. Нольде, на эту тему он не пишет. С иронией замечает: «издаются, конечно, разные «Красные архивы», но ведь подбор материала для подобных изданий носит вполне специфический характер». Кизеветтер 1923. С. 389.

⁵⁹ Там же, С. 389-390.

⁶⁰ Там же.

В печати советской России появляются исторические сочинения несколько иного типа, определяемые Кизеветтером как этюды различного калибра и значения, преимущественно популяризаторские. Кизеветтер пытается проанализировать главные сочинения такого рода, попавшие в его поле зрения. Предметом рассмотрения становятся книги Р.Ю. Виппера об Иване Грозном, С.Ф. Платонова о Борисе Годунове, работа А.Е. Преснякова «Московское царство» и 5-томная «История России» Н.А. Рожкова. При оценке этих сочинений главным для него являются не достоинства изложения (хотя он отмечает, например, что книга С.Ф. Платонова «написана очень красиво, прекрасным литературным языком»), а их соответствие исповедуемому самим Кизеветтером принципу научности, опора авторов на собственные научные исследования, способность абстрагироваться от «злобы дня». Вызвавшую наибольшую сенсацию «небольшую книжку Р.Ю. Виппера об Иване Грозном Кизеветтер оценил как в сущности, слабое произведение»⁶¹, на которое чересчур большое воздействие оказали «текущие переживания» исторического момента, где научно-аналитическое уступает полемическому. При этом он не отрицает право историка отзываться на окружающую его жизнь, но для этого, на его взгляд, требуется хотя бы минимальная свобода печатного слова.

Кизеветтер не мог, разумеется, вообще игнорировать советскую марксистскую историографию, его позиция по отношению к ней эволюционирует от пренебрежительного игнорирования «разных Красных архивов специфической окраски» до раздраженно-критического восприятия ранней советской историографической конкретики. В оценках наличествует как профессиональная составляющая (мастер оценивает начинающих), так и конфликт традиций и ценностей (не признаю за чужим права на существование и развитие). Отдельные конкретно-исторические труды могут быть оценены и снисходительно позитивно, как приемлемые в своей фактографической части для ученого традиционно-позитивистской ориентации. В этом плане показательна оценка вышедших в 1927 г. номеров исторического журнала «Красный Архив» (воспринимаемого ранее столь негативно-иронически): «топорная публицистика, но «весьма разнообразна и любопытна» историческая конкретика»⁶². Еще более показательна в этом плане рецензия на работу М.В. Нечкиной «Общество соединенных славян», вышедшую в Москве в 1927 г.⁶³ Кизеветтер признает труд Нечкиной полезным, так как она

⁶¹ Там же. С. 395.

⁶² Кизеветтер 1928. №34. С. 511.

⁶³ В связи со 100-летней годовщиной восстания декабристов в СССР началась публикация архивных материалов об этом событии. Кизеветтер рецензирует сборники документов, статьи и монографии, посвященные декабристам, вышедшие как в России, так и в зарубежье. Кроме того, он сам написал серию статей о декабристах («Заметки о декабристах», «Спорные вопросы в истории декабристов» и др.).

сумела тщательно, по крупицам собрать разнородный материал по истории «Общества соединенных славян», организовать его, воссоздать историю общества «очень обстоятельно и отчетливо»⁶⁴. Концептуальные же выводы Нечкиной, ее противопоставление «славян, как героически бесстрашных демократов, южанам – “аристократам и оппортунистам”») Кизеветтер не приемлет, не без основания считая, что в этом случае Нечкина некритически следует за схематическими построениями М.Н. Покровского, «большевистского обер-историографа», по иронически-недоброжелательному определению А.А. Кизеветтера⁶⁵. Вышедший из школы В.О. Ключевского, для которой был характерен интерес к социальной истории, Кизеветтер высоко оценивает социальный портрет участников общества, реконструируемый исследовательницей, но выступает против жесткой привязки социального происхождения и политических позиций и стратегий его участников.

Негативизм оценок резко усиливается, когда историк сталкивается с попытками советских авторов перейти от исторически-конкретного к историографически-обобщенному, когда предметом пристрастного рассмотрения молодых советских историков становится отечественная историография вообще и позитивистская традиция, к которой принадлежит сам Кизеветтер, в особенности. Такая попытка предпринимается в сборнике статей «Русская историческая наука в классовом освещении» (1930), автором предисловия к сборнику и редактором которого был М.Н. Покровский. На опыты весьма прямолинейного препарирования классической традиции скальпелем марксистского классового анализа, предпринятой авторами сборника, Кизеветтер отвечает отлучением их от науки. В инкриминационном списке, предъявляемом рецензентом молодым советским историкам, на первом месте стоит близость к Покровскому: «этот коллективный сборник вышел из того семинара, который вел в ИКП М.Н. Покровский» и представляет собой «собрание ученических работ, все авторы которого... поют с голоса учителя, рассказывают своими словами то, что натвердил им их руководитель, следуют тощей прямолинейности казенно-большевистской исторической доктрины». Вторым пунктом обвинения выступает непочтительное отношение к корифеям дореволюционной историографии: «ни сам Покровский, ни его послушная паства не могут догадаться, сколь комичное получается зрелище, когда разные никому не ведомые г.г. Рубачи, Лидаки, Петровы и Сидоровы или только что едва-едва заявившие о себе печатными работами, как г-жа Нечкина, строго разносят за недомыслие и историческую неосведомленность Чичерина, Соловьева, Ключевского, Милюкова». Третий и главный, пожалуй, пункт обвинения – гипертрофированное представление о классовой подосно-

⁶⁴ Кизеветтер 1928. № 35. С. 548, 550.

⁶⁵ Там же. С. 550.

ве историографического процесса, стремление в каждом тексте выявить его корыстно-классовый, «подтекст», показать, что историография «всегда и всюду есть ни что иное, как служанка классовый борьбы». Исходя из таких посылок, авторы сборника оценивают мотивацию и историческую роль дореволюционной историографии с позиций гипертрофированной социальности, жесткой классовой детерминированности – дореволюционные историки «умышленно или бессознательно... обслуживали интересы либо помещиков, либо купцов, либо фабрикантов». Для них, иронизирует Кизеветтер, историческая истина глаголет устами Покровского, поскольку он, «первый дал истолкование русской истории с точки зрения интересов пролетариата». По мнению Кизеветтера, «логика тут хромает на обе ноги»: если «у Покровского и его последователей история пишется ради обслуживания интересов той классовой партии, которой они служат, значит и у них нечего искать исторического беспристрастия... объективной исторической истины»⁶⁶.

Историк фиксирует у авторов сборника многочисленные фактологические и концептуальные неувязки, связанные с прямолинейным переносом классового в область историографического, выявлением классовой основы творчества западников и славянофилов, историков-федералистов – Н.И. Костомарова, А.П. Щапова, марксиста Н.А. Рожкова. В то же время он отмечает определенное приближение к критериям научности в историографических персоналиях: «наиболее корректно изложены статьи о С.М. Соловьеве (З. Лозинского) и о В.О. Ключевском (М. Нечкиной). Достоинством этих статей Кизеветтер считает добросовестное и подробное изложение взглядов и научных заслуг великих старых историков. Недостатки лежат в оценочной части, в попытке критического рассмотрения взглядов классиков дореволюционной историографии: «критика их взглядов сводится к тому совершенно правильному указанию, что ни Соловьев, ни Ключевский не были сторонниками марксизма». Выявление несовпадений с марксизмом для авторов статей достаточно для признания взглядов Соловьева и Ключевского ошибочными (своеобразная презумпция виновности). Кизеветтер иронизирует над классовыми характеристиками научных позиций: «Будь Ключевский жив, как посмеялся бы он над попыткой г-жи Нечкиной причислить его к шовинистам и идеологам промышленного капитализма». И уж совсем неприемлем для него митинговый жаргон авторов сборника, выходящая за рамки научной полемики и элементарных приличий грубость обличительных определений, «не столько наивных, сколько нахальных»⁶⁷, к которым прибегают авторы некоторых статей. Воспроизводя наиболее колоритные из них (например, Чичерин как выразитель лжи и лицемерия буржуазной науки, Миллюков

⁶⁶ Кизеветтер 1931. № 46. С. 514-515.

⁶⁷ Там же. С. 517-518.

как лжец и грязный клеветник), Кизеветтер справедливо отмечает, что подобные фразы позорят только того, кто их высказывает. Компетентно и профессионально, сочетая научную эрудицию и ироническое остроумие, он фиксирует слабые места молодой советской историографии.

Отметим, однако, что и он небезупречен как фиксатор современного ему состояния оформляющейся советской исторической науки, и еще более – как предсказатель ее будущего. То, что Кизеветтер сумел увидеть и понять в молодой советской историографии, выглядело преимущественно негативно, и этот оценочный негативизм проецируется им на состояние историографии в целом и ее творческие потенции («целое поколение ушибленных марксизмом молодых русских историков обречено на исторический дальтонизм и непрерывное топтание все на одном месте»). Дальнейшее развитие советской историографии, при всей сложности и трагичности, не подтвердило односторонне-негативных оценок Кизеветтера. Классовый подход, идеологическая ангажированность, ставшие родовыми признаками советской историографии, тем не менее не стали непреодолимыми препятствиями для научного прогресса. Известный специалист по историографии Французской революции А.В. Гордон пишет: «как ни парадоксально, наиболее значимым оказалось продвижение советских историков именно в наиболее идеологизированных сферах – изучении Якобинской диктатуры и народных выступлений»⁶⁸. Анализируя советскую историографию древности, С.Б. Крих и О.В. Метель отмечают такие стороны реализации марксистского проекта историографии (в их характеристике – «смелой и рискованной интеллектуальной авантюры»), как «острое чувство теоретической рефлексии, значимые успехи в конкретных темах»⁶⁹.

В рецензируемом сборнике Кизеветтер сталкивается прямолинейно-наивным вариантом понимания классового детерминизма развития историографии, частично преодолеваемом в ходе развития науки. В несколько упрощенном понимании классового детерминизма как права историка игнорировать историческую действительность в интересах своего класса Кизеветтер, как это ни парадоксально, близок к наиболее радикально настроенным из критикуемых им авторов⁷⁰. С развитием советской историографии меняется отношение к классической историографической традиции: прямолинейная обличительность оценок постепенно уходит, дореволюционная историография оказывается востребованной, некоторые ее представители, в особенности В.О. Ключевский, обретают статус неформальных классиков. И даже с М.Н. Покровским

⁶⁸ Гордон 2009. С. 365.

⁶⁹ Крих, Метель. С. 201-202.

⁷⁰ Наши наблюдения созвучны размышлениям М.В. Ковалева об идеологизации эмигрантской исторической науки и ее сходстве со своим антиподом – советской исторической наукой. См.: Ковалев 2012. С.254, 257.

все не так просто. Отразившееся в риторике рецензий язвительно-раздражительное, негативное отношение Кизеветтера к Покровскому во многом объясняется тем, что ревнителями дореволюционной научной традиции последний воспринимался как отступник, изменивший школе великого Ключевского (к ней, напомним, принадлежал и сам Кизеветтер) и выпавший из поля подлинной научности. Оценка его Кизеветтером представляется односторонней. Напомним, что у внимательного наблюдателя и аналитика П.Н. Милюкова научный образ Покровского выглядит гораздо более сложно и трагично. Милюков отмечает, что, при всем квазимарксистском правоте и запредельной политизированности, в определенном смысле творчество Покровского развивалось в русле научного мэйнстрима: «он все-таки был человеком нашей выучки, мы вместе пережили полосу увлечения экономическим материализмом, его “История России с древнейших времен” идет, конечно, дальше курса Ключевского – на все то расстояние, которое прошло от составления этого курса до появления новых работ нашего поколения, следовавшего за Ключевским»⁷¹. Покровский, как точно отметил В.А. Муравьев, принадлежал к «новой волне» русских историков, наследовавших взгляды Ключевского, но существенно отличавшихся от него по проблематике, методологии, представлении о содержании российского исторического процесса. О научной значимости творчества М.Н. Покровского свидетельствует его неоднократная актуализация в процессе последующего развития историографии. Наконец, отметим, что «поколение ушибленных марксизмом» дало целый ряд серьезных и талантливых исследователей (сам А.А. Кизеветтер выделяет М.В. Нечкину).

Опыт проживания А.А. Кизеветтера в эмиграции демонстрирует консервативный вариант трансформации профессорской культуры. Перед нами, ярко выраженная направленность на сохранение и дление уже сложившегося ранее. С особой отчетливостью эта направленность проявилась в дискурсивных практиках и интеллектуальных процедурах производства нового знания. И дело не только в оторванности от отечественных архивов и господстве периферийных жанров историографического творчества, но в неготовности войти в коммуникативный контакт с новым поколением советских историков, воспринимать иной тип знаний, нежели позитивистский. Это совсем не означает отрицательной характеристики выдающегося историка, каким, несомненно был Кизеветтер. В такой позиции проявилось извечное, характерное для любой научно-образовательной системы, противоборство классического и современного, осознание и переформатирование роли классика и классического наследия в дальнейшем развитии исторической науки, противоборство, усиленное грандиозными социальными трансформациями и

⁷¹ Милюков 1993. С. 126.

личностными переживаниями. С другой стороны, в этом несостоявшемся диалоге Кизеветтер выступает как носитель и защитник не только позитивистской традиции, но и общенаучных принципов исследования, ценностно-этических норм профессорской культуры.

Парадоксально, но факт, в ходе дальнейшего развития советской историографии и отечественной науки происходит селективно усеченное, но все же вполне реальное усвоение этих норм научным сообществом. Оставшиеся в стране представители дореволюционной науки, того поколения, к которому принадлежал и Кизеветтер, выполняли важнейшую функцию трансляции конвенциональных норм профессиональной деятельности, позволив тем самым советской исторической науке оставаться наукой. «Этос» науки склонен к экспансии и механизмы саморегуляции науки неизбежно включаются по мере ее развития. В этом плане представляется продуктивным рассмотреть «русский историографический процесс» в единстве эмигрантской и советской версий развития исторической науки, обратив особое внимание на множественность аспектов коммуницирования: моменты взаимовосприятия, взаимооценки, прогноза путей развития историографии, отразившихся в таком оперативном жанре, как рецензия. Безусловно, в перспективе речь должна идти о специфике взаимных культурных трансферов, в рамках которых наблюдалось как сохранение, так и затемнение, и даже забвение не только исторической информации, но и норм профессорской культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антощенко А.В.* Г.П. Федотов: в поисках академической карьеры в США // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 9. Омск: Изд-во Ом. ГУ, 2014. С. 201-223.
- Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. 142 с.
- Бернгард Т.В., Корзун В.П.* Историческая библиография как форма трансляции интеллектуальной культуры: меняющиеся функции, дисциплины первой трети XX в. (на материале Сибири) // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 186-205.
- Бушуева Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. 288 с.
- Вандалковская М.Г.* П.Н. Милуков и А.А. Кизеветтер: история и политика. М.: Наука, 1992. 288 с.
- Вандалковская М.Г.* Вечный россиянин: Александр Александрович Кизеветтер // Историки России XVIII-XX вв. М., 1996. С. 626-657.
- Вандалковская М.Г.* Кизеветтер Александр Александрович // Российское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. М., 1997. С. 291-293.
- Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М.: Памятники исторической мысли, 1997. 350 с.
- Вандалковская М.Г.* Исторические взгляды А.А. Кизеветтера // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 90-124.
- Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М.: Наука, 1995. С. 189.
- Вишняк М.* Памяти Кизеветтера // Современные записки. Париж. 1933. № 51. С. 398-401.

- Волошина В.Ю. Ученый в эмиграции. Проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск, 2010. 218 с.
- Волошина В.Ю. Вырванные из родной почвы. Социальная адаптация российских ученых-эмигрантов в 1920-1930-е годы. М., 2013. 448 с.
- Высуб В.Г. Российская общественно-государственная система аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. М., 2005. 256 с.
- Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. 380 с.
- Горин Д.Г. К вопросу о «профессорской культуре» России XIX – начало XX в. // Отечественная культура и история науки XVIII–XX в. Брянск, 1996. С. 42–51.
- Гришина Н.В. От «оставленных для подготовки к профессорскому званию» к советским аспирантам: трансформация системы воспроизводства научных кадров в 1860–1920-е гг. // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 9. Омск, 2014. С. 122-145.
- Думова Н.Г. Кончилось ваше время... М., 1990. 336 с.
- Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1930-е годы). М., 2008. 494 с.
- Захаров О.И. Стратегии интеграции русских историков-эмигрантов в американское научное сообщество на примере М.И. Ростовцева // Мир историка. Вып. 9. 2014(а). С. 38-53.
- Захаров О.И. Стратегия интеграции русских историков-эмигрантов «первой волны» в американское научное общество // Российская история. 2014(б). №. 3. С. 112-126.
- Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. 392 с.
- Иванов А.Е., Кулакова И.П. Ипостаси русского профессора: социальные высказывания рубежа XIX-XX вв. // Словие русских профессоров: создатели статусов и смыслов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2013. С. 134.
- Изымов А.Ф. Страничка воспоминаний // Записки Русского исторического Общества в Праге. Кн. III. Прага Чешская – Нарва, 1937. С. 213.
- История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв. Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова. М., 1996. 174 с.
- Кантор В.К. Русское искусство и «профессорская культура» // Вопросы литературы. 1978. №3.
- Кизеветтер А.А. А.А. Корнилов: Годы странствий Михаила Бакунина. Государственное издательство Ленинград-Москва. 1925 // Современные записки. 1926. №27. С. 583-586.
- Кизеветтер А.А. «Анналы»: журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией наук, под ред. акад. Ф.И. Успенского и проф. Е.В. Тарле. Издательство «Петроград». 1924 // Современные записки. 1924. №21. С. 414-417.
- Кизеветтер А.А. А.Ф. Тютчева: при дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник 1853–1855. М. Издание М. и С. Сабашниковых 1927 // Современные записки. 1929. №38. С. 534-536.
- Кизеветтер А.А. «Века: исторический сборник I / под ред. А.И. Заозерского и М.Д. Приселкова. Петроград. 1924 // Современные записки. 1924. №22. С. 466-469.
- Кизеветтер А.А. Воспоминания // История и историки: историографический вестник. 2011–2012 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2013. С. 327-348.
- Кизеветтер А.А. Восстание декабристов. Материалы. Дела Верховного Уголовного Суда и Следственной Комиссии, касающиеся государственных преступников. Т. I. Под ред. М. Покровского. Централрхив. Государственное издательство. 1925 // Современные записки. 1925. №26. С. 488-494.
- Кизеветтер А.А. Восстание декабристов. Материалы. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II, III, IV, VIII // Современные записки. 1927. №33. С. 543-546.
- Кизеветтер А.А. В.П. Семенников: Радищев. Очерки и исследования. М.-Пг. // Современные записки. 1925. №23. С. 488-491.
- Кизеветтер А.А. Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. Перевод и вступительная статья И.И. Полосина. Издание М. и С. Сабашниковых. М. 1925 // Современные записки. 1925. №24. С. 445-447.
- Кизеветтер А.А. «Голос минувшего» 1923 г. № 2, март-апрель // Современные записки. 1923. №17. С. 496-499.

- Кизеветтер А.А.* Григорий Писаревский: К истории царства польского при Александре I. По неизданным архивным документам. Смоленск. 1927 // Современные записки. 1928. №36. С. 550-551.
- Кизеветтер А.А.* Декабристы. Неизданные материалы и статьи / Под ред. Б.А. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. М. 1925 // Современные записки. 1925. №26. С. 494-496.
- Кизеветтер А.А.* Дневник графа Ламсдорфа // Современные записки. 1927. №30. С. 571-576.
- Кизеветтер А.А.* Из размышлений о революции». 1930. №42. С. 344-373.
- Кизеветтер А.А.* «Красный архив» за 1927 г. // Современные записки. 1928. №34. С. 504-511.
- Кизеветтер А.А.* Крестьянство и националы в революционном движении 1666–1671 г. Разинщина // Современные записки. 1932. №50. С. 474-476.
- Кизеветтер А.А.* Л. Жемчужников: В крепостной деревне 1852–1855. М. 1928 // Современные записки. 1929. №40. С. 548-551.
- Кизеветтер А.А.* – М.В. Вишняку. 14 июля 1925; 31 июля 1926; 7 ноября 1930; 2 ноября 1932 // Новый журнал. Кн. 172-173.
- Кизеветтер А.А.* – Н.И. Астрову. 15 октября 1922 // Новый журнал. Кн. 172-173.
- Кизеветтер А.А.* М.В. Нечкина. Общество соединенных славян. Москва. 1927 // Современные записки. 1928. №35. С. 547-550.
- Кизеветтер А.А.* М.К. Любавский: Образование основной государственной территории великорусской народности. М. 1930 // Современные записки. 1930. № 44. С. 530-531.
- Кизеветтер А.А.* Научно-историческая литература в современной России. // Современные записки. №15 (2), Париж, 1923 г. С. 388-400.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 / сост., вступ. ст. и коммент. М.Г. Вандалковской. М., 1997. 396 с.
- Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: (Воспоминания, 1881–1914). Прага, 1929. 535 с.
- Кизеветтер А.А.* Общие построения русской истории в современной литературе // Современные записки. 1928. №37. С. 310-341.
- Кизеветтер А.А.* Памяти декабристов. Сборник материалов. Т. I. Академия Наук. 1926 // Современные записки. 1926. №29. С. 500-503.
- Кизеветтер А.А.* Письма царицы: [Рец. на кн.: Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II: В 2 т. / пер. с англ. В.Д. Набокова. Берлин. 1922. Т. 1.] // Современные записки. 1922. №13. С. 324-334.
- Кизеветтер А.А.* Попов И.И. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Издательство «Колос» Петербург Ч. I. Детство и годы борьбы // Современные записки. 1924. №21. С. 443-445.
- Кизеветтер А.А.* Проф. С.В. Бахрушин: очерки по истории колонизации Сибири в 16 и 17 вв. М. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1930 // Современные записки. 1930. №43. С. 514-517.
- Кизеветтер А.А.* Проф. Е.И. Тарасов: Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Самара // Современные записки. 1924. №21. С. 411-414.
- Кизеветтер А.А.* Пугачевщина. Т. I. Из архива Пугачева. Центрархив. Госиздат. 1926 // Современные записки. 1926. №29. С. 497-500.
- Кизеветтер А.А.* Пугачевщина. Т. II // Современные записки. 1930. № 41. С. 550-552.
- Кизеветтер А.А.* Пугачевщина. Т. III. Центрархив. М.-Л. 1931 // Современные записки. 1932. №49. С. 471.
- Кизеветтер А.А.* Пушкин в мировой литературе: сборник статей. Государственное издательство. 1926. // Современные записки. 1927. №31. С. 456-459.
- Кизеветтер А.А.* Русская историография в оценке советских историков. Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. / ред. и предисл. М.Н. Покровского. Том I. Труды Института красной профессуры // Современные записки. Париж. 1931. №46. С. 514-520.
- Кизеветтер А.А.* «Русское прошлое». Исторические сборники. Петроград-Москва. I-III // Современные записки. 1923. №16. С. 425-430.
- Кизеветтер А.А.* Сергей Гессен. Декабристы перед судом истории. Предисл. Б.Л. Модзалевского. Изд-во «Петроград». М.-Л. 1926 // Современные записки. 1926. №28. С. 499-503.

- Кизеветтер А.А.* С.И. Тхоржевский: народные волнения при первых Романовых. Книгоиздательство «Сеятель». Петроград. 1924 // Современные записки. 1924. №19. С. 433-440.
- Кизеветтер А.А.* С.Ф. Платонов «Иван Грозный» Петербург. Изд-во Брокгауз-Эфрона 1923 // Современные записки. Париж. 1924. №18. С. 444-447.
- Кизеветтер А.А.* С.Ф. Платонов: Петр Великий. Личность и деятельность. Издательство «Время» Ленинград. 1926 // Современные записки. 1926. №29. С. 495-497.
- Кизеветтер А.А.* Труды Института Истории: сборник статей памяти Александра Николаевича Савина // Современные записки. 1928. №34. С. 530-535.
- Ковалев М.В.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.) Саратов, 2012. 408 с.
- Козлова Л.А.* «Без защиты диссертации...»: статусная организация общественных наук в СССР, 1933–1935годы // Социологический журнал. 2001. №2. С. 145-158.
- Корзун В.П.* Профессорская семья: Отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011. 192 с.
- Корзун В.П., Сидорякина Т.А.* К проблеме трансформации «профессорской культуры» // Культурологические исследования в Сибири. 2009. №1 (27). С. 66-67.
- Метель О.В., Крих С.Б.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М., 2014. 256 с.
- Миллюков П.Н.* Величие и падение Покровского (Эпизод из истории науки в СССР) // Вопросы истории. 1993. №4. С. 114-126.
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки* / Ред. Э.И. Колчинский. СПб., 2003. 1040 с.
- Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – XX в. Социокультурный аспект. М., 2008. 304 с.
- Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку* / публ. М.И. Раева // Новый журнал. Кн. 172-173. Нью-Йорк, 1988. С. 462-527.
- Репина Л.П.* Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. Вып. 22. С. 5-15.
- Российская интеллигенция на родине и в зарубежье.* Сб. ст. М., 2001.
- Российская научная эмиграция: Двадцать портретов* / под ред. Г.М. Бонгард-Левина и В.Е. Захарова. М., 2001. 228 с.
- Российские ученые и инженеры в эмиграции.* Сб. ст. / под ред. В.П. Борисова. М., 1993. 186 с.
- Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20-40-х г.* М., 2000. 497 с.
- Свейников А.В.* Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. 408 с.
- Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX в.: Синтез трех поколений историков. М., 2008.
- Современные записки.* Париж, 1920–1940. Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Т. 1. М.: НЛЮ, 2011. 952 с.
- Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...» Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950) М., 2010. 640 с.
- Цепилова В.И.* А.А. Кизеветтер в эмиграции (1922–1933) // Известия Уральского гос. ун-та. № 34. 2005(а). С. 108-114.
- Цепилова В.И.* Историческая наука русского зарубежья: проблемы историографии (1920–2004 гг.). Екатеринбург, 2005(б). 294 с.
- Шестаков В.П.* Русские в британских университетах. (Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена). СПб., 2009. 304 с.

REFERENCES

- Antoshchenko A.V. G.P. Fedotov: v poiskakh akademicheskoi kar'ery v SShA // Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik. Vyp. 9. Omsk, 2014. S. 201-223.
- Bolkhovitinov N.N. Russkie uchenye-emigranty (G.V. Vernadskii, M.M. Karpovich, M.T. Florinskii) i stanovlenie rusistik v SShA. M., 2005. 142 s.
- Berngard T.V., Korzun V.P. Istoricheskaya bibliografiya kak forma translyatsii intellektual'noi kul'tury // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 44. S. 186-205.
- Bushueva L.A. Povsednevnost' universitetskogo professora Kazani. 1863–1917. Kazan, 2012. 288 s.
- Dumova N.G. Konchilos' vashe vremya... M. 1990. 336 s.

- Emel'yanov Yu.N. Istoriya v izgnanii: Istoricheskaya periodika russkoi emigratsii (1920–1930-e gody). M., 2008. 494 s.
- Gordon A.V. Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoj istoriografii. M., 2009. 380 s.
- Gorin D.G. K voprosu o «professorskoj kul'ture» Rossii XIX – nachalo XX v. // Otechestvennaya kul'tura i istoriya nauki XVIII–XX v. Bryansk, 1996. S. 42–51.
- Grishina N.V. Ot «ostavlyennykh dlya podgotovki k professorskomu zvaniyu» k sovetskim aspirantom: transformatsiya sistemy vosproizvodstva nauchnykh kadrov v 1860–1920-e gg. // Mir istorika. Istorigraficheskii sbornik. Vyp. 9. Omsk, 2014. S. 122–145.
- Ivanov A.E. Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX v. M., 1991. 392 s.
- Ivanov A.E., Kulakova I.P. Ipostasi russkogo professora: sotsial'nye vyskazyvaniya rubezha XIX–XX vv. // Soslovie russkikh professorov: sozdateli statusov i smyslov. M., 2013. S. 134.
- Izyumov A.F. Stranichka vospominanii // Zapiski Russkogo istoricheskogo Obshchestva v Prage. Kn. III. Praga Cheshskaya – Narva, 1937. S. 213.
- Istoriya rossijskogo zarubezh'ya. Problemy adaptatsii migrantov v XIX–KhKh vv. Sb. st. / pod red. Yu.A. Polyakova. M., 1996. 174 s.
- Kantor V.K. Russkoe iskusstvo i «professorskaya kul'tura» // Voprosy literatury. 1978. №3.
- Kizevter A.A. A.A. Kornilov: Gody stranstvii Mikhaila Bakunina. Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Leningrad-Moskva. 1925 // Sovremennye zapiski. 1926. №27. S. 583–586.
- Kizevter A.A. «Annaly»: zhurnal vseobshchei istorii, izdavaemyi Rossijskoi Akademiei nauk, pod red. akad. F.I. Uspenskogo i prof. E.V. Tarle. Izdatel'stvo «Petrograd». 1924 // Sovremennye zapiski. 1924. №21. S. 414–417.
- Kizevter A.A. A.F. Tyutcheva: pri dvore dvukh imperatorov. Vospominaniya. Dnevnik 1853–1855. M. Izd. M. i S. Sabashnikovyx 1927 // Sovremennye zapiski. 1929. №38. S. 534–536.
- Kizevter A.A. «Veka: istoricheskii sbornik I / pod red. A.I. Zaozerskogo i M.D. Priselkova. Petrograd. Izd-vo «Nauka i shkola» 1924 // Sovremennye zapiski. 1924. №22. S. 466–469.
- Kizevter A.A. Vospominaniya // Istoriya i istoriki: istorigraficheskii vestnik. 2011–2012 / otv. red. A.N. Sakharov. M., 2013. S. 327–348.
- Kizevter A.A. Vosstanie dekabristov. Materialy. Dela Verkhovnogo Ugolovnogo Suda i Sledstvennoj Komissii, kasayushchiesya gosudarstvennykh prestupnikov. T. I. Pod red. M. Pokrovskogo. Tsentrarkhiv. 1925 // Sovremennye zapiski. 1925. №26. S. 488–494.
- Kizevter A.A. Vosstanie dekabristov. Materialy. Dela Verkhovnogo ugolovnogo suda i sledstvennoj komissii. T. II, III, IV, VIII // Sovremennye zapiski. 1927. №33. S. 543–546.
- Kizevter A.A. V.P. Semennikov: Radishchev. Ocherki i issledovaniya. M.-Pg. // Sovremennye zapiski. 1925. №23. S. 488–491.
- Kizevter A.A. Genrikh Shtaden. O Moskve Ivana Groznogo: Zapiski nemtsa-oprichnika. Perevod i vstupitel'naya stat'ya I.I. Polosina. Izdanie M. i S. Sabashnikovyx. M. 1925 // Sovremennye zapiski. 1925. №24. S. 445–447.
- Kizevter A.A. «Golos minuvshogo» 1923 g. № 2, mart-aprel' // Sovremennye zapiski. 1923. №17. S. 496–499.
- Kizevter A.A. Grigorij Pisarevskii: K istorii kongressovogo tsarstva pol'skogo pri Aleksandre I. Po neizdannym arkhivnym dokumentam. Smolensk. 1927 // Sovremennye zapiski. 1928. №36. S. 550–551.
- Kizevter A.A. Dekabristy. Neizdannye materialy i stat'i / Pod red. B.A. Modzalevskogo i Yu.G. Oksmana. Trudy Pushkinskogo Doma pri Rossijskoi Akademii Nauk. Izd. Obshchestva politicheskikh katorzhan i ssyl'nopereselentsev. M. 1925 // Sovremennye zapiski. 1925. №26. S. 494–496.
- Kizevter A.A. Dnevnik grafa Lamsdorfa // Sovremennye zapiski. 1927. №30. S. 571–576.
- Kizevter A.A. Iz razmyshlenii o revolyutsii». 1930. №42. S. 344–373.
- Kizevter A.A. «Krasnyi Arkhiv» za 1927 g. // Sovremennye zapiski. 1928. №34. S. 504–511.
- Kizevter A.A. Krest'yanstvo i natsionaly v revolyutsionnom dvizhenii 1666–1671 g. Razinshchina // Sovremennye zapiski. 1932. №50. S. 474–476.
- Kizevter A.A. L. Zhemchuzhnikov: V krepostnoi derevne 1852–1855. M. 1928 // Sovremennye zapiski. 1929. №40. S. 548–551.

- Kizevter A.A. – M.V. Vishnyaku. 14 iyulya 1925; 31 iyulya 1926; 7 noyabrya 1930; 2 noyabrya 1932 // *Novyi zhurnal*. Kn. 172-173.
- Kizevter A.A. M.V. Nechkina. *Obshchestvo soedinennykh slavyan*. Moskva. 1927 // *Sovremennye zapiski*. 1928. №35. S. 547-550.
- Kizevter A. A. M.K. Lyubavskii: *Obrazovanie osnovnoi gosudarstvennoi territorii velikorusskoi narodnosti*. M. 1930 // *Sovremennye zapiski*. 1930. № 44. S. 530-531.
- Kizevter A.A. *Nauchno-istoricheskaya literatura v sovremennoi Rossii*. // *Sovremennye zapiski*. №15 (2), Parizh, 1923 g. S. 388-400.
- Kizevter A.A. – N.I. Astrovu. 15 oktyabrya 1922 // *Novyi zhurnal*. Kn. 172-173.
- Kizevter A.A. *Na rubezhe dvukh stoletii. Vospominaniya. 1881–1914* / sost., vstup. st. i komment. M.G. Vandalkovskoi. M., 1997. 396 s.
- Kizevter A.A. *Na rubezhe dvukh stoletii: (Vospominaniya, 1881–1914)*. Praga, 1929. 535 s.
- Kizevter A.A. *Obshchie postroeniya russkoi istorii v sovremennoi literature* // *Sovremennye zapiski*. 1928. №37. S. 310-341.
- Kizevter A.A. *Pamyati dekabristov. Sbornik materialov*. T. I. Akademiya Nauk. 1926 // *Sovremennye Zapiski*. 1926. №29. S. 500-503.
- Kizevter A.A. *Pis'ma tsaritsy: [Rets. na kn.: Pis'ma imperatritsy Aleksandry Fedorovny k imperatoru Nikolayu II: V 2 t. / per. s angl. V.D. Nabokova. Berlin. 1922. T. 1.]* // *Sovremennye zapiski*. 1922. №13. S. 324-334.
- Kizevter A.A. Popov I.I. *Minuvshie i perezhitoe. Vospominaniya za 50 let*. Izd-vo «Kolos». Peterburg Ch. I. *Detstvo i gody bor'by* // *Sovremennye zapiski*. 1924. №21. S. 443-445.
- Kizevter A.A. Prof. S.V. Bakhrushin: *ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v 16 i 17 vv. M. Izd. M.i S. Sabashnikovykh*. 1930 // *Sovremennye zapiski*. 1930. №43. S. 514-517.
- Kizevter A.A. Prof. E.I. Tarasov: *Dekabrist Nikolai Ivanovich Turgenev v Aleksandrovskuyu epokhu*. Samara // *Sovremennye zapiski*. 1924. №21. S. 411-414.
- Kizevter A.A. *Pugachevshchina. T. I. Iz arkhiva Pugacheva*. Tsentrarkhiv. Gosizdat. 1926 // *Sovremennye zapiski*. 1926. №29. S. 497-500.
- Kizevter A.A. *Pugachevshchina. T. II* // *Sovremennye zapiski*. 1930. № 41. S. 550-552.
- Kizevter A.A. *Pugachevshchina. T. III*. Tsentrarkhiv. M.-L. 1931 // *Sovremennye zapiski*. 1932. №49. S. 471.
- Kizevter A.A. *Pushkin v mirovoi literature: sbornik statei. Gosudarstvennoe izdatel'stvo*. 1926 // *Sovremennye zapiski*. 1927. №31. S. 456-459.
- Kizevter A.A. *Russkaya istoriografiya v otsenke sovetskikh istorikov. Russkaya istoricheskaya literatura v klassovom osveshchenii*. Sb. st. / red. i predisl. M.N. Pokrovskogo. Tom I. *Trudy Instituta krasnoi professury* // *Sovremennye zapiski*. 1931. №46. S. 514-520.
- Kizevter A.A. «*Russkoe proshloe*». *Istoricheskie sborniki*. Petrograd-Moskva. I-III // *Sovremennye zapiski*. 1923. №16. S. 425-430.
- Kizevter A.A. Sergei Gessen. *Dekabristy pered sudom istorii*. Predisl. B.L. Modzalevskogo. Izd-vo «Petrograd». M.-L. 1926 // *Sovremennye zapiski*. 1926. №28. S. 499-503.
- Kizevter A.A. S.I. Tkhorzhvskii: *narodnye volneniya pri pervykh Romanovykh. Knigoizdatel'stvo «Sevatel'»*. Petrograd. 1924 // *Sovremennye zapiski*. 1924. №19. S. 433-440.
- Kizevter A.A. S.F. Platonov «*Ivan Grozniy*» Peterburg. Izd-vo Brokgauz-Efrona. 1923 // *Sovremennye zapiski*. Parizh. 1924. №18. S. 444-447.
- Kizevter A.A. S.F. Platonov: *Petr Velikii. Lichnost' i deyatel'nost'*. Izd-vo «Vremya» Leningrad. 1926 // *Sovremennye zapiski*. 1926. №29. S. 495-497.
- Kizevter A.A. *Trudy Instituta Istorii: sbornik statei pamyati Aleksandra Nikolaevicha Savina* // *Sovremennye zapiski*. 1928. №34. S. 530-535.
- Kovalev M.V. *Russkie istoriki-emigranty v Prage (1920–1940 gg.)* Saratov, 2012. 408 s.
- Kozlova L.A. «*Bez zashchity dissertatsii...*»: statusnaya organizatsiya obshchestvennykh nauk v SSSR, 1933–1935gody // *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2001. №2. S. 145-158.
- Korzun V.P. *Professorskaya sem'ya: Otets i syn Lappo-Danilevskie*. SPb., 2011. 192 s.
- Korzun V.P., Sidoryakina T.A. *K probleme transformatsii «professorskoi kul'tury»* // *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 2009. №1 (27). S. 66-67.

- Metel' O.V., Krikh S.B. Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoi istoriograficheskoi mysli. M., 2014. 256 s.
- Milyukov P.N. Velichie i padenie Pokrovskogo (Epizod iz istorii nauki v SSSR) // Voprosy istorii. 1993. №4. S. 114-126.
- Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki / pod red. E.I. Kolchinskogo. SPb. 2003. 1040 s.
- Niks N.N. Moskovskaya professura vo vtoroi polovine XIX – KhKh v. Sotsiokul'turnyi aspekt. M., 2008. 304 s.
- Pis'ma A.A. Kizevettera N.I. Astrovu, V.I. Vernadskomu, M.V. Vishnyaku / publ. M.I. Raeva // Novyi zhurnal. Kn. 172-173. N.-Iork, 1988. S. 462-527.
- Repina L.P. Intellektual'naya kul'tura kak marker istoricheskoi epokhi // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 22. S. 5-15.
- Rossiiskaya intelligentsiya na rodine i v zarubezh'e. Sb. st. M., 2001.
- Rossiiskaya nauchnaya emigratsiya: Dvadsat' portretov / red. G.M. Bongard-Levin i V.E. Zakharov. M., 2001. 228 s.
- Rossiiskie uchenye i inzheneriy v emigratsii. Sb. st. / pod red V.P. Borisova. M., 1993. 186 s.
- Sidorova L.A. Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny XX v.: Sintez trekh pokolenii istorikov. M., 2008.
- Russkie bez otechestva: Ocherki antibol'shevistskoi emigratsii 20-40-kh g. M., 2000. 497 s.
- Shestakov V.P. Russkie v britanskikh universitetakh. SPb., 2009. 304 s.
- Sovremennye zapiski. Parizh, 1920–1940. Iz arkhiva redatsii / pod red. O. Korosteleva i M. Shruby. T. 1. M.: NLO, 2011. 952 s.
- Sveshnikov A.V. Peterburgskaya shkola medievistov nachala KhKh veka. Popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshchestva. Omsk, 2010. 408 s.
- Tsepilova V.I. A.A. Kizevetter v emigratsii (1922–1933) // Izvestiya Ural'skogo gos. un-ta. № 34. 2005(a). S. 108-114.
- Tsepilova V.I. Istoricheskaya nauka russkogo zarubezh'ya: problemy istoriografii (1920–2004 gg.). Ekaterinburg, 2005(b). 294 s.
- Ul'yankina T.I. «Dikaya istoricheskaya polosa...» Sud'by rossiiskoi nauchnoi emigratsii v Evrope (1940–1950). M., 2010. 640 s.
- Vandalkovskaya M.G. P.N. Milyukov i A.A. Kizevetter: istoriya i politika. M., 1992. 288 s.
- Vandalkovskaya M.G. Vechnyi rossiyanin: Aleksandr Aleksandrovich Kizevetter // Istoriki Rossii XVIII-XX vv. M., 1996. S. 626-657.
- Vandalkovskaya M.G. Kizevetter Aleksandr Aleksandrovich // Rossiiskoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' KhKh veka. M., 1997. S. 291-293.
- Vandalkovskaya M.G. Istoricheskaya nauka rossiiskoi emigratsii: «evraziiskii soblazn». M., 1997.
- Vandalkovskaya M.G. Istoricheskie vzglyady A.A.Kizevettera // Ocherki istorii otechestvennoi istoricheskoi nauki XX veka / Pod red. V.P. Korzun. Omsk, 2005. S. 90-124.
- Vernadskii V.I. 1911 god v istorii russkoi umstvennoi kul'tury // Vernadskii V.I. Publitsisticheskie stat'i. M.: Nauka, 1995. S. 189.
- Vishnyak M. Pamyati Kizevettera // Sovremennye zapiski. Parizh. 1933. № 51. S. 398- 401.
- Voloshina V.Yu. Ucheniy v emigratsii. Problemy sotsial'noi adaptatsii uchenykh-emigrantov skvoz' prizmu «personal'noi istorii». Omsk, 2010. 218 s.
- Voloshina V.Yu. Vyrvannye iz rodnoi pochvy. Sotsial'naya adaptatsiya rossiiskikh uchenykh-emigrantov v 1920-1930-e gody. M., 2013. 448 s.
- Vyskub V.G. Rossiiskaya obshchestvenno-gosudarstvennaya sistema attestatsii nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov vysshei kvalifikatsii. M., 2005. 256 s.
- Zakharov O.I. Strategii integratsii russkikh istorikov-emigrantov v amerikanskoe nauchnoe soobshchestvo na primere M.I. Rostovtseva // Mir istorika. Istorigraficheskii sbornik. Vyp. 9. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2014(a). S. 38-53.
- Zakharov O.I. Strategiya integratsii russkikh istorikov-emigrantov «pervoi volny» v amerikanskoe nauchnoe obshchestvo // Rossiiskaya istoriya. 2014(b). № 3. S. 112-126.

Волошина Валентина Юрьевна, д.и.н., доц., профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; valvoloshina@rambler.ru

Корзун Валентина Павловна, д.и.н., проф., заведующая кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

A.A. Kiesewetter's life of emigrant in the light of "professorial culture"

The authors discuss the transformation of Russian pre-revolutionary "professorial culture" in exile. The article is focused on the emigration period in the life of a well-known Russian historian A.A. Kiesewetter (1866–1933). The authors show a conservative version of this transformation, typical for those emigre professors who counted on returning to Russian after the fall of the Bolsheviks, and, accordingly, desired to preserve and reproduce pre-revolutionary Russian academic tradition.

Keywords: AA Kiesewetter, Soviet historiography, Russian emigres, the scientific community, communicating, "professorial culture"

Valentina Voloshina, Dr.Sc. (History), Professor, Department of contemporary Russian history and historiography, Omsk State University; valvoloshina@rambler.ru

Valentina Korzun Dr.Sc. (History), Professor, Department of contemporary Russian history and historiography, Omsk State University; korzunv@mail.ru